

I. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Я хотел бы рассмотреть две темы, упомянутые в заглавии: неолиберализм и глобальный порядок. Эти проблемы имеют большое значение для людей, но люди понимают их не слишком хорошо. Ради здоровой их трактовки нам следует начать с отделения доктрины от реальности. Зачастую мы обнаруживаем между ними значительный зазор.

Термин «неолиберализм» отсылает к системе принципов, одновременно и новой, и основанной на классических либеральных идеях: Адам Смит почитается как покровительствующий ей святой. Эта доктринальная система также известна как «Вашингтонский консенсус», что уже намекает на идею мирового порядка. Более пристальный анализ показывает, что идея мирового порядка соответствует классическому либерализму, чего нельзя сказать об остальных элементах неолиберальной доктрины. Подобные доктрины не новы, а основные их положения далеки от тех, что воодушевляли либеральную традицию, начиная с Просвещения.

ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС

Неолиберальный Вашингтонский консенсус представляет собой основанную на определенных рыночных принципах политику, проводимую правительством США и в значительной степени подконтрольными ему международными финансовыми учреждениями в отношении более уязвимых обществ. Этот курс зачастую предстает в роли программы неотложной структурной корректировки. Его основные правила, в двух словах, таковы: либерализовать цены и финансы, дать рынку установить цены («выправить цены»), покончить с инфляцией («макроэкономическая стабильность»), осуществить приватизацию. Правительство должно «уйти с дороги» а значит, и население тоже, ведь правительство демократическое, хотя этот вывод явно и не афишируется. Решения тех, кто навязывает «консенсус», естественно, оказывают существенное влияние на мировой порядок. Некоторые аналитики высказываются даже более определенно. Так, международная деловая пресса называла упомянутые институты «фактическим мировым правительством новой имперской эры».

Независимо от правильности этой оценки, цель данного определения заключается в том, чтобы напомнить нам о том, что правящие институты действуют не самостоятельно, а отражают распределение власти в обществе в более крупном масштабе. Это было общим местом, по меньшей мере начиная с Адама Смита, указывавшего, что «главными архитекторами» политики в Англии являются «купцы и мануфактурщики», использующие

государственную власть ради обслуживания собственных интересов, какое бы «прискорбное» воздействие это ни производило на остальных, в том числе и на народ Англии. Считая интересом «богатство народов», но он считал, что «национальный интерес» это в значительной степени иллюзия: в рамках нации наблюдается острый конфликт между интересами, и для понимания политики и ее последствий нам следует спрашивать, где находится власть и как она реализуется. Впоследствии подобный анализ стали называть классовым анализом.

«Главными архитекторами» неолиберального «Вашингтонского консенсуса» являются хозяева частной экономики, преимущественно гигантские корпорации, контролирующие значительную часть международного хозяйства и обладающие средствами, позволяющими им как определять политику, так и формировать мысли и мнения людей. В этой системе США по вполне очевидным причинам играют особую роль. По словам историка дипломатии Джеральда Хейнса, к тому же старшего историка ЦРУ, «после Второй мировой войны Соединенные Штаты ради собственной выгоды взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы». Хейнс имеет в виду то, что он называет «американизацией Бразилии», но лишь как частный случай. И слова его достаточно верны.

Экономика США стала ведущей в мире задолго до Второй мировой войны, а в годы войны она процветала, тогда как ее соперники оказались резко ослабленными. Скоординированная государством экономика военного времени в конечном счете проявила способность преодолеть Великую Депрессию. К концу войны Соединенные Штаты обладали половиной мировых богатств и положением державы, не имеющим исторических прецедентов. Естественно, что «главные архитекторы» этой политики намеревались воспользоваться этим могуществом, чтобы создать глобальную систему ради собственных интересов.

Документы, составленные в высших эшелонах американской администрации, в качестве первостепенной угрозы этим интересам рассматривают, особенно в Латинской Америке, «радикальные» и «националистические режимы», которые якобы несут ответственность за навязывание народу политики, направленной на «немедленное повышение низкого жизненного уровня масс» и на поощрение экономического развития, нацеленного на удовлетворение внутренних потребностей страны. Эти тенденции вступают в конфликт с потребностью в «политическом и экономическом климате, благоприятствующем частным инвестициям», гарантирующем вывоз прибылей и «защиту нашего сырья» нашего, даже если его добывают в других странах. По этим причинам влиятельный разработчик планов Джордж Кеннан посоветовал нам «прекратить разговоры о смутных и нереальных целях вроде прав человека, повышения жизненного уровня и демократизации» и «действовать с помощью непосредственных силовых концепций, не стесняя себя идеалистическими лозунгами» об «альтруизме и благодетельствовании мира», хотя такие лозунги хороши и даже обязательны в публичных речах.

Я цитирую секретный отчет, который в принципе теперь доступен, но почти неизвестен ни широкой публике, ни интеллектуальному сообществу.

«Радикальный национализм» нетерпим сам по себе, но он также представляет «угрозу стабильности» в более широком смысле другая фраза со специфическим значением. Когда Вашингтон готовился к свержению первого демократического правительства Гватемалы в 1954 году, Госдепартамент официально предупреждал, что Гватемала «превратилась в растущую угрозу для стабильности Гондураса и Сальвадора. Ее аграрная реформа является мощным пропагандистским оружием, ее обширная социальная программа помощи рабочим и крестьянам в победоносной борьбе против господствующих классов и крупных иностранных предприятий чрезвычайно привлекательна для населения центральноамериканских соседей, у которых преобладают те же условия». «Стабильность» означает безопасность для «господствующих классов и крупных иностранных предприятий», чье благополучие надо сохранить.

Такие угрозы «благополучию мировой капиталистической системы» оправдывают террор и подрывную деятельность ради восстановления «стабильности». Одной из первейших задач ЦРУ было участие в широкомасштабных усилиях по подрыву демократии в Италии в 1948 году, где опасались «неправильного» исхода выборов, и если бы подрывная деятельность провалилась, планировалась прямая военная интервенция. Это описывалось как усилия «по стабилизации Италии». Ради достижения «стабильности» можно даже «заниматься дестабилизацией». Так, редактор полуофициального журнала «Форин афферз» поясняет, что Вашингтону пришлось «дестабилизировать свободно избранное марксистское правительство в Чили», поскольку «мы были полны решимости искать стабильности». Имея подходящее образование, можно справиться с явным противоречием.

Националистические режимы, которые угрожают «стабильности», зачастую называли «гнилыми яблоками», которые могут «испортить весь уро жай», или же «вирусами», которые могут заразить другие государства. Италия в 1948 году лишь один пример. Двадцать пять лет спустя Генри Киссинджер описывал Чили как «вирус», способный распространить неправильные послания о возможностях социальных изменений, заражая других, вплоть до самой Италии, все еще «нестабильной», даже несмотря на осуществление многолетних крупных программ ЦРУ, направленных на подрыв итальянской демократии. Вирусы надо уничтожать, защищая другие государства от инфекции; самым действенным средством решения обеих задач зачастую служит насилие, оставляющее за собой отвратительный след массовых убийств, террора, пыток и разорения.

В секретном послевоенном планировании каждой части света отводилась особая роль. Так, «основной функцией» Юго-Восточной Азии была поставка сырья для индустриальных держав. Африку должна была «эксплуатировать» Европа ради собственного восстановления. И так далее по всему миру.

В Латинской Америке Вашингтон ожидал, что окажется способным провести в жизнь доктрину Монро, но опять-таки в специфическом смысле. Президент Вильсон, известный своим идеализмом и высокими моральными принципами, втайне согласился с тем, что «в своем отстаивании доктрины Монро США учитывают собственные интересы». Интересы же Латинской Америки попросту «несущественны», это не наша забота. Он признавал, что «может показаться, будто это основано на одном лишь эгоизме», но считал, что у этой доктрины «нет более высоких или благородных мотивов». Соединенные Штаты стремились

вытеснить своих традиционных соперников, Англию и Францию, и создать под собственным контролем региональный альянс, которому предстояло выделиться из мировой системы, где подобные соглашения не допускались. «Функции», отведенные Латинской Америке, стали явными на конференции стран Западного полушария в феврале 1945 года, где Вашингтон выдвинул «Экономическую Хартию обеих Америк», которая должна была искоренить экономический национализм «во всех его формах». Вашингтонские разработчики планов понимали, что навязать этот принцип будет нелегко. Документы Госдепартамента предупреждали, что латиноамериканцы предпочитают «политику, направленную на более широкое распределение богатств и подъем уровня жизни масс» и «убеждены, что от развития ресурсов страны больше всего выиграют жители самой страны». Эти идеи были неприемлемы для американцев: от ресурсов этих стран «больше всего должны выигрывать» инвесторы из США, тогда как Латинской Америке надлежит исполнять свои служебные функции без неразумных забот о всеобщем благосостоянии или «чрезмерном индустриальном развитии», которое может посягнуть на интересы США.

В последующие годы позиция Соединенных Штатов восторжествовала, хотя и не без проблем. Она была удержана с помощью средств, которые мне нет необходимости перечислять.

По мере того, как Европа и Япония восстанавливались после военного опустошения, мировой порядок сдвигался к трехполюсной модели. США сохранили доминирующую роль, хотя и столкнулись с новыми вызовами, в том числе с европейской и восточноазиатской конкуренцией в Южной Америке. Наиболее важные изменения произошли двадцать пять лет назад, когда администрация Никсона демонтировала послевоенную глобальную экономическую систему, в рамках которой Соединенные Штаты, по сути, были всемирным банкиром; с такой ролью они больше не справлялись. Этот односторонний акт, осуществленный, разумеется, при содействии других держав, привел к гигантскому увеличению неуправляемых потоков капитала. Еще больше впечатляет сдвиг в составе потоков капитала. В 1971 году 90 % международных финансовых сделок относились к реальной экономике к торговле или долгосрочным инвестициям, а 10 % были спекулятивными. К 1990 году процентное соотношение изменилось на противоположное, а к 1995 году около 95 % значительно больших сумм были спекулятивными, с ежедневными потоками, как правило, превосходящими общие резервы для международного обмена семи крупнейших индустриальных держав более чем на один триллион долларов в день и весьма краткосрочными: около 80 % сумм возвращались назад за неделю и менее того.

Больше лет назад видные экономисты предупреждали, что этот процесс может привести к медленно растущей экономике с низкой зарплатой, и предлагали весьма простые меры, которые могли бы предотвратить такие последствия. Но «главные архитекторы» Вашингтонского консенсуса предпочли предсказуемые результаты, включая очень высокие прибыли. Эти результаты были усугублены краткосрочным резким подъемом цен на нефть и революцией в области телекоммуникаций, причем и то и другое было связано с гигантским государственным сектором экономики США, к которому я еще вернусь.

Так называемые «коммунистические» страны располагались за пределами этой глобальной системы. К 70-м годам XX века Китай начал в нее реинтегрироваться. В советской экономике

в 60-е годы XX века началась стагнация, и прогнившее здание рухнуло двадцать лет спустя. Этот регион в значительной степени возвращается к своему прежнему статусу. Сектора, которые были частью Запада, воссоединяются с ним, тогда как большая часть региона возвращается к традиционной обслуживающей роли, в значительной степени под руководством бывших коммунистических бюрократов и других местных компаньонов зарубежных предприятий, наряду с криминальными синдикатами. Эта модель знакома третьему миру, да и результаты тоже. В одной лишь России, по оценке исследования ЮНИСЕФ, в 1993 году последовало на полмиллиона смертей больше, чем обычно, в результате неолиберальных «реформ», которые это исследование, в общем, поддерживает. Руководитель ведомства по социальной политике в России недавно дал оценку, согласно которой 25 % населения живет ниже прожиточного минимума, тогда как новые правители приобрели несметные богатства опять-таки ситуация, весьма характерная для стран, зависящих от Запада.

Также знакомы последствия широкомасштабного насилия, предпринимаемого ради обеспечения «благополучия мировой капиталистической системы». На недавней конференции иезуитов в СанСальвадоре отмечалось, что с течением времени «культура террора обуздывает ожидания большинства». Люди могут уже даже забыть об «альтернативах, отличных от предлагаемых теми из власть предержащих», кто описывает результат как великую победу свободы и демократии.

Таковы некоторые из очертаний глобального порядка, в рамках которого сформировался Вашингтонский консенсус.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК НОВОВВЕДЕНИЕ

А теперь более пристально посмотрим на неолиберализм как нововведение. Подходящей отправной точкой служит недавняя публикация Королевского Института иностранных дел в Лондоне, с обзорными статьями по важнейшим вопросам и направлениям политики. Автор, Пол Крагмен, является видной фигурой в данной сфере. Он выдвигает пять основных мыслей, имеющих непосредственное отношение к нашему вопросу.

Во-первых, знания об экономическом развитии весьма ограничены. Для США, например, две трети роста дохода на душу населения остаются необъясненными. Аналогичным образом, как указывает Крагмен, успешное развитие азиатских стран следовало путями, которые, разумеется, не соответствуют тому, что «современная ортодоксия считает ключами к экономическому росту». Он рекомендует «смирение» при формировании политики и осторожность относительно «огульных обобщений».

Его вторая мысль состоит в том, что непрестанно выдвигаются малообоснованные выводы, обеспечивая доктринальную поддержку для политики: имеется в виду Вашингтонский консенсус.

Третья его мысль что «общепринятая мудрость» неустойчива и регулярно переходит от одной точки к другой, а в своей последней фазе может сдвинуться и к противоположной

позиции, хотя ее сторонники, как правило, исполнены доверия к насаждаемой ими новой ортодоксии.

Его четвертая мысль заключается в том, что ретроспективно приходят к общему согласию по поводу того, что политика экономического развития не «послужила намеченной цели» и основывалась «на плохих идеях».

И наконец, Крагмен замечает, что обычно «выдвигается аргумент, что плохие идеи процветают из-за того, что они выгодны могущественным группировкам. Несомненно, это и происходит».

То, что это происходит, было общим местом, по меньшей мере, начиная с Адама Смита. И происходит это с впечатляющим постоянством, и даже в богатых странах, хотя наиболее жестокие факты касаются третьего мира.

Вот в чем суть дела. «Плохие идеи» могут и не служить «намеченным целям», но для своих «главных архитекторов» они обычно оказываются очень хорошими идеями. В современную эпоху было много экспериментов по экономическому развитию, и их закономерностями трудно пренебрегать. Одна из них состоит в том, что архитекторы реформ обычно вполне преуспевают, а вот те, кто подвергся эксперименту, зачастую получают только синяки да шишки.

Первый важный эксперимент произошел двести лет назад, когда британские правители в Индии установили «постоянный сеттльмент», который стал причиной удивительных вещей. Результаты были проверены сорок лет спустя официальной комиссией, заключившей, что «сеттльмент, устроенный с большой заботой и продуманностью, к сожалению, обрек низшие классы на в высшей степени прискорбное угнетение», вызвав нищету, «каковая вряд ли найдет параллель в истории коммерции», поскольку «кости ткачей хлопка отбеливают равнины Индии».

Но этот эксперимент вовсе не был сочтен неудачным. Британский генерал-губернатор отметил, что «хотя постоянный сеттльмент потерпел неудачу во многих других отношениях и в большинстве важных начинаний, его большим преимуществом стало, по меньшей мере, то, что он создал обширное количество богатых землевладельцев, глубоко заинтересованных в продолжении существования этого британского доминиона и полностью распоряжавшихся массами народа». Другое преимущество заключалось в том, что британские инвесторы обрели несметные богатства. Индия также финансировала 40 % торгового дефицита Британии, обеспечивая защищенный рынок для экспорта ее мануфактуры, поставляя для британских владений контрактных рабочих, которые заменили прежний рабский контингент, и выращивая опиум, являвшийся основным товаром британского экспорта в Китай. Опиумная торговля была навязана Китаю силой, а не функционированием «свободного рынка», подобно тому как на священные принципы свободного рынка смотрели сквозь пальцы, когда опиуму преграждали доступ в Англию.

Словом, первый великий эксперимент оказался «плохой идеей» для тех, кто ему подвергся, но не для его планировщиков и сотрудничавших с ними местных элит. Эта модель

продолжает действовать и по сей день: прибыль ставят выше людей. Постоянство результатов впечатляет не меньше, чем риторика, приветствующая новейшую витрину демократии и капитализма как «экономическое чудо», и чем то, что эта риторика, как правило, скрывает. Возьмем для примера Бразилию. В упомянутой мною и получившей высокую оценку истории американизации Бразилии Джеральд Хейнс пишет, что, начиная с 1945 года, США использовали Бразилию в качестве «экспериментальной площадки для современных научных методов индустриального развития, целиком основанных на капитализме». Эксперимент был проведен «с наилучшими намерениями». Выгоду получили иностранные инвесторы, но его разработчики «искренне полагали», что народ Бразилии тоже получит выгоду. Мне нет необходимости описывать, как они извлекали выгоду, но в то время, как, по словам международной деловой прессы, Бразилия превратилась в «латиноамериканского баловня международного делового сообщества» под военным правлением, по сообщениям Всемирного Банка, у двух третей ее населения не хватало пропитания для нормальной физической деятельности.

В 1989 году Хейнс описывает «американскую политику в Бразилии» как «колоссально успешную», как «настоящую американскую счастливую историю». 1989 год был «золотым годом», с точки зрения мира бизнеса, с утроенными прибылями по сравнению с 1988 годом, тогда как зарплата в промышленности и так одна из самых низких в мире упала еще на 20 %. В результате «Отчеты ООН по развитию человечества» поставили Бразилию вслед за Албанией. Когда же беда начала затрагивать и богатых, «современные научные методы развития, сплошь основанные на капитализме» (Хейнс) внезапно превратились в доказательства дурной сущности этатизма и социализма еще одно стремительное изменение мнения, произошедшее именно тогда, когда это потребовалось.

Для оценки достижений следует вспомнить, что Бразилию длительное время признавали одной из богатейших стран мира, обладавшей громадными преимуществами, в том числе полувековым господством и опекой со стороны США с благими намерениями, которые опять-таки оказались направленными на получение прибылей немногими и оставили большую часть народа в нищете.

Самый недавний пример Мексика. Ее расхваливали как студентку-отличницу, изучившую правила Вашингтонского консенсуса, и предлагали в качестве образца для других и это в ту пору, когда зарплаты в этой стране стремительно снижались, бедность росла почти столь же быстро, как количество миллиардеров, инвестировались потоки иностранного капитала (большой частью спекулятивного, или же для эксплуатации дешевой рабочей силы, контролируемой brutальной «демократией»). Таким же знакомым оказалось разрушение карточного домика в декабре 1994 года. Сегодня половина населения Мексики не может удовлетворить минимальные потребности в еде, а вот бизнесмен, контролирующий рынок кукурузы, остается в списке мексиканских миллиардеров единственная категория, в которой эта страна котируется.

Изменения в мировом порядке также сделали возможным применить вариант Вашингтонского консенсуса на его родине. Для большинства населения США доходы находились в состоянии застоя или снижались в течение пятнадцати лет, то же происходило с условиями труда и с техникой безопасности и продолжалось в период

экономического подъема явление беспрецедентное. Неравенство достигло уровня, небывалого за семьдесят лет, и стало гораздо большим, чем в других индустриальных странах. В США высочайший для всех индустриальных обществ уровень детской бедности; за ними следуют остальные англоязычные страны. Итак, документ продолжает перечислять знакомые недуги третьего мира. Между тем, деловая пресса не может найти достаточно цветистых определений, чтобы описать «сногшибательный» и «изумительный» рост прибылей, хотя, по общему признанию, богатые тоже сталкиваются с проблемами заголовков в «Бизнес уик» возвещает: «Теперь проблема: что делать со всей этой наличностью?», когда «волны прибылей» «переполняют сундуки Корпоративной Америки», а дивиденды стремительно растут.

Прибыли остаются «впечатляющими» и в показателях на середину 1996 года, с «замечательным» ростом прибыли для крупнейших в мире корпораций, хотя есть «одна сфера, где глобальные компании расширяются незначительно: выплаты по платежным ведомостям», как ни в чем не бывало добавляет ведущий деловой ежемесячник. Это исключение касается компаний, у которых «был ужасный год» со «стремительно растущими прибылями», когда они урезали рабочие места, переводили трудящихся на почасовую работу без пособий и гарантий и в других случаях вели себя именно так, как следовало ожидать от «полнейшего порабощения труда капиталом на протяжении 15 лет», заимствуем еще одну фразу из деловой прессы.

КАК РАЗВИВАЮТСЯ СТРАНЫ

Исторические факты дают и другие уроки. Так, в XVIII веке различия между первым и третьим миром были куда менее резкими, чем сегодня. Возникают два очевидных вопроса:

1. Какие страны развились, а какие нет?
2. Можем ли мы выделить какие-нибудь действующие факторы?

Ответ на первый вопрос достаточно ясен. За пределами Западной Европы развились два основных региона Соединенные Штаты и Япония, то есть два региона, избежавшие европейской колонизации. Иное дело колонии Японии хотя Япония была жестокой колониальной державой, она не грабила свои колонии, а развивала их, приблизительно с такой же скоростью, как развивалась сама.

А как насчет Восточной Европы? В XV веке началось разделение Европы: запад развивался, а восток становился прислуживающей ему территорией, изначальным третьим миром. Различия углублялись до начала этого века, когда Россия выпуталась из системы. Несмотря на ужасные зверства Сталина и страшные военные разрушения, советская система все-таки подверглась значительной индустриализации. Она образует «второй мир», а не часть третьего мира, или же образовывала до 1989 года.

Из документов для внутреннего пользования нам известно, что до 60-х годов XX века западные лидеры боялись, что экономический рост России будет вдохновлять «радикальный

национализм» в других странах, и что другие тоже могут быть поражены недугом, заразившим Россию в 1917 году, когда она не пожелала «служить дополнением для индустриальной экономики Запада» так престижная исследовательская группа описывала проблему коммунизма в 1955 году. Поэтому западная интервенция 1918 года якобы была оборонительной акцией с целью «защитить благополучие мировой капиталистической системы», которой угрожали социальные изменения в «обслуживающих» регионах. И так ее описывали респектабельные ученые.

Логика холодной войны вызывает инциденты в Гренаде и Гватемале, хотя масштаб их настолько несоизмерим с российским, что эти конфликты зажили собственной жизнью. Неудивительно, что с победой более могущественного противника были восстановлены традиционные модели. Также не следует удивляться тому, что бюджет Пентагона остается на уровне холодной войны и теперь увеличивается, тогда как международная политика Вашингтона едва ли изменилась: эти факты тоже помогают нам правильно понимать реалии глобального порядка.

Если возвратиться к вопросу о том, какие страны развивались, то довольно-таки ясным покажется один вывод: развитие зависело от свободы от «экспериментов», основанных на «плохих идеях», которые были очень хорошими для разработчиков и тех, кто с ними сотрудничал. Это не гарантия успеха, но это действительно кажется одной из его предпосылок.

Обратимся ко второму вопросу: как преуспели в развитии Европа и те, кто избежал ее контроля? Часть ответа опять же представляется ясной: радикально нарушая апробированную доктрину свободного рынка. Этот вывод подтверждается от Англии до восточно-азиатской территории современного промышленного роста, разумеется, включая Соединенные Штаты, лидера в протекционизме с самых его истоков.

Стандартная экономическая история признает, что вмешательство государства всегда играло центральную роль в экономическом развитии. Но его воздействие недооценивается из-за слишком узкого фокуса. За одним важным исключением, фундаментом промышленных революций был дешевый хлопок, преимущественно из США. Он сохранялся дешевым и доступным не из-за действия рыночных механизмов, а в силу его недоступности туземному населению и из-за рабства. Конечно, были и другие производители хлопка. Среди них выделялась Индия. Ее ресурсы перетекали в Англию, тогда как ее собственная передовая текстильная промышленность была разрушена британским протекционизмом и британскими войсками. Другим примером является Египет, принимавший меры к развитию в то же время, что и США, но блокированный британской армией по вполне ясной причине: Британия не стала бы терпеть независимого развития этого региона. Зато Новая Англия оказалась способной последовать по пути своей метрополии, преградив доступ более дешевому британскому текстилю с помощью очень высоких тарифов, подобно тому, как Британия поступила с Индией. Историки экономики считают, что без таких мер половина на рождавшейся текстильной промышленности в Новой Англии была бы разрушена, что оказало бы широкомасштабное воздействие на рост индустрии в целом.

Современным аналогом является энергетика, на которой зиждется экономика в развитых странах. «Золотой век» послевоенного развития основывался на дешевизне и изобилии нефти, причем положение сохранялось в значительной степени с помощью угроз или с применением силы. Это продолжается и по сей день. Значительная часть бюджета Пентагона тратится на то, чтобы удерживать цены на нефть на Ближнем Востоке на уровне, который считают подходящим Соединенные Штаты и их энергетические компании. Мне известно лишь одно техническое исследование этой темы: в нем делается вывод, что расходы Пентагона составляют субсидию в 30 % рыночной цены нефти; по заключению автора, это показывает, что «современное мнение о дешевизне полезных ископаемых представляет собой сплошной вымысел». Голословные оценки эффективности торговли и выводы, касающиеся экономического здоровья и роста, имеют ограниченную значимость, если мы игнорируем множество таких скрытых стоимостей.

Группа видных японских экономистов недавно опубликовала многотомный обзор японских программ экономического развития, начиная со Второй мировой войны. В нем указывается, что Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству. Рыночные механизмы вводились государственной бюрократией и промышленно-финансовыми конгломератами постепенно, по мере роста перспектив коммерческого успеха. Упомянутые экономисты делают вывод, что одним из условий для «японского чуда» стал отказ от ортодоксальных экономических наставлений. Успехи оказались впечатляющими. По сути дела не обладая ресурсами, к 90-м годам XX века Япония развила крупнейшую в мире производящую экономику и стала ведущим в мире источником зарубежных инвестиций, также записав на свой счет половину чистых сбережений всего мира и финансируя дефициты США.

Что касается бывших японских колоний, то крупнейшее научное исследование Миссии американской помощи на Тайване обнаружило, что американские советники и китайские планировщики пренебрегли принципами «англо-американской экономики» и разрабатывали «государственно-ориентированную стратегию», опираясь на «активное участие правительства в экономической деятельности на острове посредством обдуманных планов и правительственного контроля за их выполнением». Тем временем американская официозная пресса «рекламировала Тайвань как историю успеха частного предпринимательства».

В Южной Корее «предпринимательское государство» функционирует иным путем, но играет роль направляющей руки не в меньшей степени. Только что вступление Южной Кореи в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), клуб богачей, было отложено из-за ее нежелания полагаться на рыночно ориентированную политику, например, на разрешение передачи власти иностранным компаниям и на свободное движение капитала, что весьма напоминает ее японских наставников, не разрешавших экспорта капитала до тех пор, пока экономика Японии крепко не встала на ноги.

В недавнем выпуске «Research Observer» Международного Банка (август 1996 года) председатель Совета экономических советников при Клинтоне Джозеф Стиглиц извлекает «уроки из восточно-азиатского чуда», среди которых он особенно отмечает тот, что в восточно-азиатских странах, преуспевших на пути экономического развития,

«правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию», полагающую, что рынки знают всё лучше всех, и прибегнув к вмешательству ради улучшения передачи технологий, относительного равенства, образования и здравоохранения, наряду с промышленным планированием и координацией. «Доклад ООН по экономическому развитию человечества за 1996 год» делает акцент на жизненной важности правительственной политики по «распространению опыта и удовлетворению жизненно важных общественных потребностей», отмечая, что такая политика служит «трамплином для длительного экономического роста». Неолиберальные же доктрины что бы о них ни думать подрывают образование и здравоохранение, ведут к росту неравенства и уменьшают долю труда в доходах; это невозможно подвергнуть серьезному сомнению.

Год спустя после того, как экономике стран Азии был нанесен тяжелый удар из-за финансовых кризисов и рыночных крахов, Стиглиц теперь главный экономист Всемирного Банка повторил свои выводы (отчетный доклад, исправленный вариант,

Ежегодная конференция Всемирного банка по экономике развития 1997, Всемирный Банк 1998, Ежегодные Лекции для широкой публики 2, 1998). «Текущий кризис в Восточной Азии не является опровержением восточно-азиатского чуда», писал он. «Остаются основные факты: ни в одном другом регионе земного шара никогда не было столь драматического роста доходов и избавления от бедности такого большого числа людей за столь короткое время». «Изумительные достижения» иллюстрируются десятикратным ростом доходов на душу населения в Южной Корее за три десятилетия беспрецедентный успех «с весомыми дозами правительственного вмешательства», в нарушение Вашингтонского консенсуса, но в согласии с экономическим развитием США и Европы, вежливо добавляет он. «Далеко не опровергая восточно-азиатское чудо, заключил Стиглиц, серьезная финансовая суматоха в Азии может частично быть результатом того, что там отошли от стратегий, которые очень хорошо служили этим странам, включая хорошо регулируемые финансовые рынки», имеется в виду широкомасштабный отказ от успешных стратегий как ответ на давление Запада. Другие специалисты выражали аналогичные взгляды, зачастую более убедительно.

Поражает сравнение Восточной Азии с Латинской Америкой. Латинская Америка имеет наихудшие в мире результаты по неравенству. Восточная Азия среди лучших. То же касается образования, здравоохранения и общих показателей социального благополучия. Импорт в Латинскую Америку сильно перекошен в сторону потребления для богатых, а в Восточной Азии в сторону производственных инвестиций. Утечка капиталов из Латинской Америки приближается по уровню к ее сокрушительным для экономики долгам; в Восточной Азии до самого последнего времени она подвергалась жесткому контролю. В Латинской Америке богатые, как правило, освобождены от социальных обязательств, в том числе от налогов. Как подчеркивает бразильский экономист Брессер Перейра, главная проблема Латинской Америки состоит не в «популизме», а в «подчинении государства богачам». Восточная Азия резко от нее отличается.

Экономика латиноамериканских стран также была более открытой для иностранных инвестиций, чем экономика Восточной Азии. Как сообщают аналитики Комитета ООН по торговле и развитию (UNCTAD), начиная с 1950 года, зарубежные мультинациональные

корпорации в Латинской Америке «контролировали значительно большие доли промышленного производства», чем в успешно развивавшихся странах Восточной Азии. Даже Всемирный Банк допускает, что приветствуемые им иностранные инвестиции и приватизация в Латинской Америке «имели тенденцию заменить прочие потоки капитала», передавая контроль зарубежным странам и отправляя прибыли за границу. Банк также признает, что цены в Японии, Корее и на Тайване больше отклонялись от рыночных, чем в Индии, Бразилии, Мексике, Венесуэле и в так называемых интервенционистских странах, тогда как наиболее интервенционистское и искажающее цены из всех правительств в мире, китайское, является любимым и быстрее всех растущим заемщиком денег у этого Банка. А исследования Всемирного Банка скрывают тот факт, что национализированная меднодобывающая промышленность служит основным источником экспортных доходов для Чили и это лишь один из многих примеров. Похоже, что открытость международной экономике дорого стоила Латинской Америке, как и ее неспособность контролировать капитал и богатей, а не просто труд и бедняков. Разумеется, отдельные секторы населения получают выгоду, как в колониальную эпоху. И тот факт, что они так же преданы доктринам неолиберальной «религии», как и иностранные инвесторы, не следует считать неожиданным.

Роль государственного управления и государственной инициативы в странах с успешно развивавшейся экономикой должна стать общеизвестной. Аналогичный вопрос: как третий мир стал таким, каков он сегодня. Вопрос рассмотрел видный историк экономики Пол Бейроч. В недавнем важном исследовании он подчеркивает, что «нет сомнений, что экономический либерализм, навязанный третьему миру в XIX столетии, является важнейшим элементом в объяснении задержки его индустриализации», и в весьма показательном случае с Индией объясняет «процесс деиндустриализации», превративший мировую промышленную мастерскую и центр мировой торговли в глубоко обнищавшее аграрное общество, страдающее от резкого падения реальной зарплаты, недопотребления продовольствия и недоступности прочих простейших товаров потребления. «Индия оказалась только первой жертвой в очень длинном списке», замечает Бейроч, включающем «даже политически независимые страны третьего мира, которые заставили открыть свои рынки для западных продуктов». Тем временем общества Запада предохраняли себя от рыночных порядков и развивались.

РАЗНОВИДНОСТИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Это подводит нас к другой важной характеристике современной истории. Доктрина свободного рынка существует в двух разновидностях. Первая это официальная доктрина, навязанная беззащитным. Вторая то, что мы могли бы назвать «реально существующей доктриной свободного рынка»: рыночные порядки хороши для вас, но не для меня, разве что ради временных выгод. Именно «реально существующая доктрина» господствовала, начиная с XVII века, когда Британия стала наиболее развитым государством в Европе, с высоким уровнем налогообложения и эффективным руководством, организовывавшим

фискальную и военную деятельность государства, которое стало «крупнейшим и единственным игроком в экономике» и в ее глобальной экспансии, как выразился британский историк Джон Бруэр.

Британия в конечном счете все-таки обратилась к либеральному «интернационализму» в 1846 году, после того, как 150 лет протекционизма, насилия и государственного контроля поставили ее далеко впереди любого конкурента. Но поворот к рынку был сделан с существенными оговорками. 40 % британского текстиля продолжало поступать в колонизованную Индию, и то же касалось британского экспорта в целом. Британскую сталь не допускали на рынки США очень высокие тарифы, позволившие Соединенным Штатам развивать собственную сталелитейную промышленность. Но Индия и прочие колонии всё же были доступными и оставались таковыми, когда британскую сталь изгнали с международных рынков с помощью ценовой политики. Индия представляет собой в этом отношении весьма поучительный случай. В конце XVIII века она производила столько же стали, сколько вся Европа, и британские инженеры в 1820 году изучали более передовые методы индийских сталелитейных заводов, стараясь преодолеть «технологический разрыв». Когда начался железнодорожный бум, Бомбей производил паровозы на конкурентоспособном уровне. Но реально существовавшая доктрина свободного рынка разрушила эти секторы индийской промышленности подобно тому, как прежде она разрушила текстильную промышленность, судостроение и прочие виды индустрии, считавшиеся тогда передовыми. Зато США и Япония избежали европейского контроля и сумели заимствовать британскую модель вмешательства государства в рынок.

Когда с японской конкуренцией стало слишком трудно справляться, Англия попросту отложила игру: Британская империя фактически закрылась для японского экспорта часть фона Второй мировой войны. В то же время индийские мануфактурщики просили защиты, но от Англии, а не от Японии. При реально существовавшей рыночной доктрине такая удача их миновала. Отказавшись от своего ограниченного варианта *laissez-faire* в 30-е годы XX века, британское правительство обратилось к более прямому вмешательству и в собственную экономику. За несколько лет станкоинструментальное производство возросло в пять раз вместе с бумом в химической, сталелитейной, авиационной и многих других отраслях промышленности; экономический аналитик Вилл Хаттон называет это «невоспетой новой волной» промышленной революции. Промышленность, контролируемая государством, позволила Британии опередить Германию в годы войны и даже сократить разрыв с Соединенными Штатами, которые тогда претерпевали драму собственной экономической экспансии, когда менеджеры корпораций прибрали к рукам контролировавшуюся государством экономику военного времени.

Через столетие после того, как Англия обратилась к одной из форм либерального «интернационализма», по тому же пути последовали США. За полтора-два века период протекционизма и насилия США превратились в богатейшую и могущественнейшую страну мира и, подобно тому, как прежде Англия, стали замечать достоинства «ровного игрового поля», где они могли ожидать разгрома любого конкурента. Но как и Англия, Соединенные Штаты пользовались множеством оговорок.

Одна состояла в том, что как прежде Англия Вашингтон применял свою силу для подавления самостоятельного развития других стран. В Латинской Америке, Египте, Южной Азии и повсюду развитию предстояло стать «догоняющим», а не «конкурентным». Происходило также широкомасштабное государственное вмешательство в торговлю. К примеру, помощь по плану Маршалла была увязана с покупкой американских сельскохозяйственных продуктов, что послужило одной из причин того, что доля США в мировой торговле зерновыми увеличилась с менее чем 10 % перед войной до более 50 % к 1950 году, тогда как экспорт зерна из Аргентины сократился на две трети. Американская помощь «Хлеб для мира» также использовалась для субсидирования агробизнеса в США и поставок американского зерна; подобного рода политика играла роль одного из средств борьбы с независимым развитием других стран. Фактическое разрушение такими средствами зернового хозяйства в Колумбии стало одним из факторов роста ее наркоиндустрии, а в дальнейшем неолиберальная политика значительно ускорила этот рост во всем регионе Анд. В то время как текстильная промышленность Кении потерпела крах в 1994 году, когда администрация Клинтона навязала квоту, преградившую путь развития, пройденный каждой индустриальной страной, «африканских реформаторов» предупредили, что им следует продвигаться дальше, улучшая условия для деятельности бизнеса и «скрепив печатью реформы свободного рынка» ради такой политики в торговле и инвестициях, которая будет отвечать требованиям западных инвесторов.

И это лишь некоторые из разрозненных иллюстраций.

Однако же, наиболее значительные отклонения от доктрины свободного рынка заключаются в другом. Один из основополагающих постулатов теории свободной торговли гласит, что государственные субсидии не допускаются. Но после Второй мировой войны лидеры американского бизнеса ожидали, что без государственного вмешательства экономика устремится назад прямо к депрессии. Они также настаивали на том, что высокоразвитая промышленность, особенно авиационная, хотя вывод был более обобщенным, «не может удовлетворительно существовать в конкурентоспособной, несубсидируемой экономике, основанной только на свободном предпринимательстве» и что «правительство единственно возможный ее спаситель». Я цитирую основные деловые издания, в которых также признавалось, что система Пентагона лучший способ переложить расходы на общество. Они понимали, что социальные расходы могли бы играть ту же стимулирующую роль, но это не прямая субсидия для корпоративного сектора, ибо она связана с демократизацией и является перераспределительной. Военным расходам не свойствен ни один из таких «недостатков».

Изделия военной промышленности также легко продавать. Секретарь президента Трумэна по военно-воздушным силам выразил это просто: нам не следует пользоваться словом «субсидия», сказал он; мы должны употреблять слово «безопасность». Он убедился, что военный бюджет способен по его выражению «удовлетворить потребности авиационной промышленности». Одним из последствий этого стало то, что гражданские воздушные суда представляют собой теперь ведущий предмет экспорта США, а основанная на производстве самолетов гигантская индустрия путешествий и туризма служит источником важнейших прибылей.

Так, Клинтон счел вполне подходящим избрать «Боинг» в качестве «образца для компаний по всей Америке», когда на Азиатско-тихоокеанском саммите в 1993 году он под бурные аплодисменты проповедовал собственное «новое видение будущего, связанного со свободным рынком». Превосходный пример реально существующих рынков, производство гражданских воздушных судов теперь находится в руках преимущественно двух фирм, «БоингМакдональд» и «Эйрбас», каждая из которых обязана своим существованием и успехом широкомасштабной государственной поддержке. Та же модель преобладает в производстве компьютеров и вообще в электронике, в автоматике, биотехнологии, средствах коммуникации, а фактически почти в каждом динамично развивающемся секторе экономики.

Рейгановской администрации не требовалось разъяснять доктрину «реально существующего капитализма свободного рынка». Ее сотрудники являлись мастерами своего дела: превознося прелести рынка перед бедными, они гордо похвалялись перед деловым миром тем, что Рейган «дал больше субсидий американской индустрии, чем любой из его предшественников более чем за полвека», слишком уж скромное утверждение, ибо они превзошли всех предшественников вместе взятых, когда «руководили крупнейшим сдвигом в сторону протекционизма после 30-х годов XX века», так комментировал рейгановское десятилетие обзор в журнале «Форин афферз». Без этой и других крайних мер государственного вмешательства в рынок сомнительно, чтобы сталелитейная, автомобильная, станкоинструментальная или полупроводниковая промышленности справились с японской конкуренцией или же оказались способными лидировать в новых технологиях с важнейшими для всей экономики последствиями. Этот опыт опять-таки иллюстрирует, что «традиционная мудрость полна дыр», как говорится в другой статье в «Форин афферз», посвященной эпохе Рейгана. Но традиционная мудрость сохраняет свои качества идеологического оружия ради усмирения беззащитных.

Как США, так и Япония только что объявили о новых важнейших программах инвестиций в передовые технологии в авиационной и полупроводниковой отраслях промышленности, чтобы поддержать частный индустриальный сектор государственными субсидиями.

Чтобы проиллюстрировать, что такое «реально существующая теория свободного рынка» с помощью других свидетельств, отметим, что в обширном исследовании транснациональных корпораций (ТНК) Уинфрид Рейгрок и Роб ван Тульдер обнаружили, что «по сути дела все крупнейшие основные фирмы мира испытали определяющее воздействие со стороны правительственной политики и торговых барьеров, касающихся их стратегии и конкурентоспособности», и «по меньшей мере двадцать компаний в списке из 100 наиболее успешных компаний из журнала «Форчун» за 1993 год вообще не выжили бы в качестве независимых компаний, если бы их не спасли правительства их стран», или социализацией убытков, или просто передачей контроля государству, когда они попали в беду. Одна из них ведущий работодатель в глубоко консервативном районе Гингрича, компания «Локхид», оказалась спасенной от развала гарантиями крупных правительственных займов. В том же исследовании подчеркивается, что правительственное вмешательство, которое «было скорее правилом, чем исключением в течение двух прошедших столетий... сыграло ключевую роль в развитии и распространении множества новинок в продуктах и процессах производства особенно в авиакосмической и электронной промышленности, в современном

сельском хозяйстве, технологиях производства материалов, энергетике и транспортной технологии», а также вообще в телекоммуникационной и информационной технологиях (наиболее впечатляющие недавние примеры Интернет и World Wide Web), а в прежние времена в текстильной и сталелитейной промышленности и, разумеется, в энергетике. Правительственная политика «была и остается подавляющей силой в формировании стратегий и конкурентоспособности крупнейших фирм мира». Другие технические исследования подтверждают эти выводы.

Обо всем этом можно сказать гораздо больше, но один вывод представляется довольно ясным: санкционированные доктрины ловко придумываются и применяются ради власти и выгоды. Современные «эксперименты» следуют знакомому образцу, когда принимают форму «социализма для богатых» в рамках системы глобального корпоративного меркантилизма, в которой «торговля» состоит в значительном количестве сделок, осуществляемых в пределах одних и тех же фирм под центральным руководством, когда эти фирмы представляют собой гигантские организации, связанные со своими конкурентами стратегическими альянсами, когда все они тираничны по внутренней структуре, спланированной таким образом, чтобы препятствовать демократическому принятию решений и предохранять хозяев от рыночной дисциплины. Предполагается, что этим неумолимым доктринам должны обучаться бедные и незащищенные.

Итак, мы можем спросить, насколько «глобальна» экономика на самом деле и в какой мере она может подвергаться народному демократическому контролю. Если брать за отправную точку торговлю, финансовые потоки и прочее, то в настоящее время экономика не более глобальна, чем в начале двадцатого века. Более того, ТНК в значительной степени опираются на государственные субсидии и внутренние рынки, а их международные сделки, включая торговые сделки под другими, производятся преимущественно в пределах Европы, Японии и США, где действенны политические меры и нет страха перед военными путчами и тому подобным. Здесь бывает много нового и значительного, однако не очень-то можно поверить в то, что процессы «вышли из-под контроля», даже если мы будем придерживаться существующих механизмов.

Может быть, в том, что мы должны их придерживаться, состоит некий закон природы? Нет, если мы серьезно проанализируем доктрины классического либерализма. Так, хорошо известно, что Адам Смит восхвалял разделение труда. Однако при этом остается практически неизвестным то, что он обличал его бесчеловечные последствия, превращающие трудящихся в объекты «настолько глупые и невежественные, насколько это возможно для человеческого существа», а это «в любом приличном и цивилизованном обществе следует предотвращать» правительственными действиями, направленными на преодоление разрушительной силы «невидимой руки». Также не слишком-то рекламируется мнение Смита о том, что правительственное «регулирование в пользу трудящихся всегда справедливо и равноправно», но «когда оно в пользу хозяев», оно не таково. Или возьмем его призыв к равенству доходов, образующий ядро его аргументации в пользу свободного рынка.

Другие ведущие представители классической либеральной традиции идут гораздо дальше. Вильгельм фон Гумбольдт порицал наемный труд как таковой: он писал, что если рабочий

